

ББК ТЗ(2)45-3
УДК 94(470)"16"

«ЛИМИТА» В МОСКВЕ XVII ВЕКА (ЗАМЕТКИ ПО ИСТОРИИ РЕМЕСЛА В РОССИИ)

М.В. Сапронов

Рассматривается широко применявшаяся в XVII в. практика принудительного вызова в Москву ремесленников из разных городов Русского государства. Описаны механизмы привлечения иногородних работников к выполнению «государева дела» и возникавшие при этом трудности, реакция местных властей, детали московского быта провинциальных мастеров. Подобная практика напоминала советский феномен «лимитчества» и свидетельствовала о невысоких темпах трансформации ремесла в мелкотоварное производство.

Ключевые слова: Русское государство в XVII в., Москва в XVII в., ремесло, записные ремесленники.

Лимитчик (разг.). Человек, приехавший работать по лимиту на въезд.
С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. Толковый словарь русского языка.

«Лимитчики», «лимита» – эти московские жаргонизмы «эпохи развитого социализма» могут выступать вербальными символами той столичной действительности, которая скрывалась за великолепным фасадом «лучшего города Земли». Начиная со служб жизнеобеспечения (дворники, слесари, грузчики) и кончая целыми промышленными производствами, – все это находилось в неквалифицированных руках провинциальных работяг, привлеченных в столицу по лимиту прописки. Специалист по вопросам миграции В. Переведенцев вспоминал: «Однажды по случаю какого-то партийного события пришлось мне с экскурсией пройти по цехам ЗИЛа. В цехе «окраски оперения», где работать, по-моему, можно только в противогазе, мы спросили: «Есть ли в цеху москвичи? – Есть. – Сколько? – Один. – Кто? – Начальник цеха». В подчинении у него были одни лимитчики – крепостные XX века» [10].

Москвичи не особо жаловали лимиту, относились к ней пренебрежительно, а порой и враждебно. Провинциалы, жившие большими группами в специальных общежитиях, создавали массу проблем: бытовых, криминальных и даже амурных (мечтой любой лимитчицы были столичные женихи, коих и москвичкам не всегда хватало). Но как бы то ни было, Москва – хоть и «не сразу строилась» – своим выдающимся среди других городов местом и ролью в истории обязана в том числе и лимитчикам.

Советская практика привлечения на работу в столицу провинциальной рабочей силы не была изобретением социалистической экономики. Анало-

гичный способ стягивания к Москве производительных сил обнаруживается и на ранних этапах ее прошлого. В данных заметках речь пойдет о XVII веке – «новом периоде истории», в недрах которого зародились многие процессы и явления, ставшие основой для петровских реформ и перехода России из средневековья в Новое время. Советская историография особое внимание уделяла вопросам генезиса капитализма, и одним из ее постулатов в этой связи выступал тезис о постепенном на всем протяжении XVII в. перерастании ремесла в мелкотоварное производство. Правда, эта «постепенность» при внимательном знакомстве с работами соответствующей тематики представляла как чересчур уж «постепенная». Иными словами, состояние ремесла в XVII в. не демонстрировало качественно новых, структурных изменений. Известный российский экономист И.М. Кулишер с какой-то растерянностью констатировал еще в 1920-х годах, что «развитие ремесла в течение XVII столетия, по-видимому, лишь весьма медленно продвигалось вперед». И добавлял далее: «Это развитие промыслов в городах, по-видимому, задерживалось и той политикой, которую вела Москва» [8, с. 34].

«Политика Москвы» по привлечению в столицу провинциальных ремесленников и станет предметом данных заметок. Далее мы попытаемся проследить и описать основные составляющие механизма использования труда иногородних работников в XVII в.

Первым, кто обратил пристальное внимание на практику принудительного перемещения в Москву ремесленного люда из разных городов и земель, был М.В. Довнар-Запольский. В своей работе начала XX в. он не только показал некоторые стороны данной практики, но и высказал ряд интересных предположений по вопросу о причинах ее широкого применения. Так, отмечая, «что московское правительство было весьма запасливо в наборе мастеров и выписывало их в большем количестве, чем это нужно было в действительности», а тех же скорняков «в самой Москве в это время весьма значительно», историк объясняет данный факт тем, что «перевод к казенному делу московских мастеровых отрывал бы их от тех государевых нужд, которые они несли вместе со слободами и сотнями, следовательно, ослаблял бы тягловую силу московского посада». Кроме того «московское правительство бесспорно не бессознательно стягивало рабочий люд в Москву для того, чтобы усилить производительность столицы. Оно стремилось... все лучшее в этой области привлечь к Москве» [4, с. 14].

Сведения Довнар-Запольского об иногородних ремесленниках в столице продублировал в своих трудах по экономической истории России И.М. Кулишер, добавив к выводам предшественника емкое замечание о том, что подобной практикой Москва «обескровливала» провинцию [8, с. 35].

Советская историография сюжет о принудительном использовании труда иногородних ремесленников фактически игнорировала, уделяя пер-

востепенное внимание – как мы уже отмечали выше – поиску протокапиталистических элементов в развитии ремесла. Едва ли ни единственное известное нам исследование, специально посвященное самой значительной группе вызывавшихся в Москву мастеров (очерки А.Н. Сперанского о записных каменщиках [13]), – подверглось разгромной критике со стороны историков-марксистов («“Очерки” не могут быть признаны удовлетворительными с точки зрения марксистской методологии» [15, с. 181]) за то, что не показана связь «между процессом сложения кадров строительных рабочих и процессом образования «предпролетариата» крепостной России» [15, с. 179]. Сама практика принудительного вызова в столицу провинциальных ремесленников, равно как и социальный облик последних, не увязывались с процессом зарождения капитализма, подразумевавшего формирование рынка вольнонаемного труда и работу производителей на рынок. Поэтому советские исследователи ограничивались простым упоминанием о данной практике, не раскрывая ее механизмов и особенностей. Попытка заполнить этот пробел позволит чуть расширить наши представления об одной из сторон экономической истории России XVII в.

Самая большая сложность, возникшая в ходе предпринятого нами изыскания, – мозаичность и разбросанность источников. Никакого систематизированного, объединенного в какую-либо группу свода документов по интересующему нас сюжету просто не существует. Недаром упомянутый выше А.Н. Сперанский в своих очерках по истории Приказа каменных дел пояснял: «Выбор для изучения материалов, относящийся к рабочим каменностроительного и кирпичного дела, вне какой-либо иной профессии, определился состоянием архивных фондов, так как только для данного разряда записных рабочих представлялось возможным подобрать сравнительно значительный материал» [13, с. 4]. Тем не менее, найденные нами в самых разнообразных сборниках опубликованных источников сведения, вкупе с разысканиями уважаемых предшественников, позволяют надеяться на представление вполне репрезентативной картины использования принудительного труда иногородних ремесленников в Москве XVII в.

Появлению провинциальных мастеровых в столице предшествовал соответствующий царский указ в форме грамоты местным властям. Анализ данных документов позволяет говорить об устоявшейся практике вызова ремесленников, о чем свидетельствуют шаблонность структуры и трафаретность используемых в грамотах выражений. Адресатом обычно выступают воеводы, монастырские власти (игумены и архимандриты крупных обителей), иногда конкретные должностные лица. Несмотря на сравнительно небольшое количество упоминаемых в опубликованных источниках регионов-получателей (среди десятка таковых «первенство» принадлежит Белоозеру), мы не ошибемся, если скажем, что география охвата такими грамотами была весьма широка в пределах европейской части России.

Об этом свидетельствуют часто встречающиеся трафареты типа: «Указали мы... взять к Москве... изо всех городов с посадов и из уездов (далее могли перечисляться различные формы землевладения: церковная, вотчинная, поместная)» (см., например, [3, т. 3, № 310; т. 4, №№ 62, 102] и др.). Таким образом, даже духовные и светские феодалы не были застрахованы от риска потерять работников.

Далее в грамоте указывалась специализация востребованных ремесленников: каменщики и кирпичники, портные и скорняки, кузнецы и умельцы родственных профессий (ствольные и станочные мастера), оружейники (мастера панцирного дела и сварщики булатных сабель), плотники, иконописцы. Часто центральная власть конкретизировала характер и объемы «Государева дела», ради которого работников призывают в столицу: «на Москве церковные и дворцовые и полатные, и Кремля и Китая и Белого городов, городовые каменные дела делать, да в Даниловских и в Хамовницких сараях кирпичное дело делать перед прежним с прибылью» [1, № 186], «для наших... приказных дел и Крымской кледи (обработки пушнины для посылки в виде дани и подарков крымским ханам)» [3, т. 4, № 102], «в церкви Успения... стенное письмо писати все наново,... и для того указали есмя взяти к Московским иконописцам в прибавку иконописцев из городов» [3, т. 3, № 317].

Количество затребованных мастеров варьировалось в зависимости от их статуса и конкретных для каждого случая потребностей Центра. Особую категорию составляли записные ремесленники (в основном, каменщики и кирпичники). Проживавшие на посадах в разных городах, они по первому требованию должны были являться в Москву, где их распределяли на работы. Об особом статусе данной категории мастеровых лучше всего свидетельствует выписка из Узаконений о каменщиках, составленная в 1700 г. в новом Каменном приказе: «С 7092 по 7157 год при Великих Государях и Великих князьях Иоанне Васильевиче, Михаиле Федоровиче и Алексее Михайловиче даваны жалованные грамоты обжигальщикам, подмастерьям, подвясникам и каменщикам, по коим велено их во всяких делах ведать в приказе Каменных дел, а в иных Приказах ни в чем их не ведать, и жить им на белых местах... Вышеписанным же чинам учинено Государево денежное и хлебное жалование, смотря по их работе, а бесчестие им правлено по их окладам. ...дворы их и дворовые места обелены, и от посадских людей всяким тяглом отверстаны, и оброку и пятой и десятой денег и никаких податей с них, ...пошлин не имать, и городского и острожного дела не делать, опричь каменных и кирпичных дел с посадскими людьми служить не велено» [7, с. 20]. Записные ремесленники должны были являться на работы в полном составе в соответствие с теми списками, которые имелись в Приказе каменных дел. Эти списки, часто прикреплявшиеся к грамотам, стабильно пополнялись новыми именами: «да сверх росписи детей

их, и братию, и племянников, и сосед, и захребетников, и вновь каменщиков же и кирпичников, которые к нашему государеву каменному и кирпичному делу годятся, велеть сыскать» [5, т. 8, № 70].

Остальной ремесленный люд направлялся в Москву либо в полном личном составе («иных мастеров, чей кто ни буди, всех без выбору, кузнецов и станочных мастеров и плотников сыскать, ...им стати на Москве» [3, т. 4, № 85]), либо по определенным в Центре квотам («велено собрать Вологодских монастырей с вотчин скорняков всех и портных мастеров с десяти человек по два человека, с женами и с детьми, и выслать их, за крепкими поруками, к Москве, в тот час» [3, т. 4, № 142]), наконец, – в затребованном количестве («да ис Каргопольцов выбрать работных 700 ч. мужиков добрых и прислать к Москве» [12, стб. 1174]). Иногда запрос мог иметь адресный характер: «велеть Тихвинцов, ствольных мастеров, Ивашка Чаплина да Прошку Тихвинца, сыскать, ...и прислать» [3, т. 4, № 85].

В грамотах часто определялись конкретные сроки прибытия мастеров в столицу, а также предполагаемая продолжительность их пребывания там. Если работа записных ремесленников носила сезонный характер, то остальные работные люди могли «зависнуть» в первопрестольной «безсрочно» («и от того государева дела ствольного без отпуска не сбежать»), либо остаться здесь «на житье» (в последнем случае речь шла о переселении ремесленников вместе с семьями из провинции в Москву [3, т. 4, № 102]).

Наконец, обязательным элементом грамот о присылке мастеров были указания на формы полицейского контроля и меры санкционного характера. Москва требовала от местных властей составления на отсылаемых ремесленников списков, поручных записей («дав их на поруки с записми») и подробных отчетов о ходе выполнения запроса («а которого числа и с кем именем тех мастеров пошлете, и вы б о том к нам ...отписали»). За невыполнение предписаний центральная власть грозила разного рода санкциями: от пугающе неопределенного «быть в опале и жестоком наказанье» до конкретных штрафных мер («а будет вы вскоре не пришлете, и по государеву указу велено на вас пени доправить пять сот рублей»).

Реакция местных властей на присланный запрос в идеальном случае была стандартной: воевода давал указание своим подчиненным собрать требуемых ремесленников в своей резиденции (как правило, в съезжей избе) для выполнения предписанных царской грамотой процедур с последующей отправкой их в Москву (см., например, воеводский наказ вологодскому стрельцу Павлову о сборе с окрестных монастырей скорняков и портных [3, т. 4, № 142] и поручную запись монастырских крестьян о том, что взятые из их села каменщики вовремя придут к съезжей избе [9, № 87]). На отправляемых составлялись поручные записи шаблонного формата: мы (такие-то) обязуемся прибыть в Москву к (такому-то) сроку и предстать перед (таким-то) начальным человеком, а «дорогою идучи, ни-

где не пить, не бражничать и на дороге друг от друга не отстать, и друг друга не покинуть, и с дороги не сбежати» [2, стб. 808–809].

Отправка работников в столицу должна была осуществляться на средства местных властей: «а в дорогу тем мастерам указали мы... дать поденному корму, панцирного дела мастеру по осми алтын по две денги, а булатного сабельного дела сварщику по пяти алтын» [1, № 155]. Но на практике – если речь не шла о записных ремесленниках – часто могла встречаться ситуация, описанная Довнар-Запольским: «Выбранные из Переславля портные мастера получили от местных портных мастеров особые подможные деньги в количестве 225 руб. на каждого человека. Выборы производились по жребию, при чем оказывается, что двое мастеров пошли по жребию и получили указанную подмогу, а двое из переславцев пошли добровольно, при чем взяли уже подможных денег по 400 руб. на человека. Как видим, небольшая посадская община несет очень большой расход по отправке мастеров» [4, с. 15–16].

Описанная выше процедура сбора и отправки ремесленников в Москву была скорее исключением из реалий провинциальной действительности XVII в. Местные власти и тяглые общины не готовы были запросто расставаться с налогоплательщиками; мастерские также не горели особым желанием покидать родные пенаты и отправляться навстречу неизвестности. Эта обоюдная незаинтересованность умерять растущий аппетит столицы формировала насыщенную палитру всевозможных способов уклонения от данной повинности. Провинциальное начальство медлит с ответом (за март-апрель 1666 г. в Каргополь отправлено три (!) грамоты с распоряжением прислать 700 работных людей [12, стб. 1184]); отправляет вместо специалистов никудышных тяглецов («Посадский человек из Городца Гришка Черков указывает в своем челобитье, что он вовсе портняжного дела не умеет, о чем ведомо всему городу» [4, с. 16–17]); шлет отписки об отсутствии затребованных мастеров (разбежались, умерли, постарели и т.п. (см., например, «скаску» вологодских иконописцев [6, с. 78])); наконец, слезно просит не забирать доморощенных умельцев («не вели, государь, у нас сего лета тех наших... каменщиков от нашего церковного дела имать» [9, № 66]).

Местные ремесленники также не остаются в долгу: помимо банальных побегов широко практикуется запись в «служилые» (стрельцов и пушкарей не велено отрывать от службы); наиболее ушлые шлют доносы и «скаска» на своих земляков (вологодца Тараску кто-то «оболгал скорняшным делом напрасно» [4, с. 17], а на Белоозере в сер. XVII в. два местных каменщика держали в страхе весь посад [5, т. 3, № 70]); зажиточные мастера за плату нанимают вместо себя «сырых и убогих» (ярославец Микитка «взял от прожиточного мастера всего-на-всего 8 рублей за то, что заменил его» [4, с. 16]).

Как бы то ни было, но значительная часть ремесленного люда – настоящего и ненастоящего, купленного и оболганного – добиралась до Москвы и представляла перед теми, кто должен был определить их к «государеву делу». Как правило, это были бояре-судьи и дьяки соответствующих приказов (Каменных и Приказных дел, Казенного, Монастырского, Оружейной палаты и т.д.). В ряде случаев устраивалась проверка прибывших мастеров на их соответствие объявленной специальности: так, например, «иконники допускались к работе после предварительного испытания старшим жалованным иконником, который определял умение испытуемых словом «добр»» [6, с. 78], а «не умеющих отсылали обратно и требовали взамен их добрых мастеров» [4, с. 14].

Допущенные к работе провинциальные ремесленники получали из казны поденный корм, который мог складываться – как правило – из денежных выплат (от 3–5 в пер. пол. до 5–8 коп. во вт. пол. XVII в. [14, с. 39]) и продуктов питания («велено на Аптекарском дворе накормить и напоить 60 человек плотников, которые пришли из Каргополя, да им же дать по части человеку мяса говяжьего, да по части ж ветчины» [12, стб. 1729]). Если расчеты Довнар-Запольского (годовой заработок ремесленника колебался в сер. XVII в. от 7,5 до 12,6 руб. [4, с. 77]) дополнить общепризнанными данными С.Г. Струмилина по прожиточному минимуму (5,26 руб. в пер. пол. и 7,22 руб. во вт. пол. XVII в. [14, с. 42–43]), то материальное положение московских мастеровых можно признать вполне удовлетворительным.

Провинциальные ремесленники в Москве жили в съемных помещениях (как и значительное число собственно москвичей, о чем наглядно свидетельствует Переписная книга 1638 г. [11]). Количество проживающих могло колебаться от одного-двух до десятка человек («попа Василья Ильина; у него в подклети соседи живут из найму Костромичи сапожные мастера (далее – имена 9 человек)» [11, стб. 3]).

Рамки статьи не позволяют в полной мере осветить дальнейшую судьбу провинциальных ремесленников в Москве. Судя по имеющимся данным, часть из них оставалась в столице на постоянное жительство и вело образ жизни, подобный каргопольскому сапожнику Федьке Мишатину: он «человек приезжий, а не московской и двора де у него, на Москве нет, живет по чужим дворам, а в ряд-де он, Федька, приходит к ним недели в две и в три и в пять и в десять,... а как де он Федька напьетца пьян, и он де со многими людьми деретца и называетца стольников и стряпичих и дворян московских послуживцом» [4, с. 70]. «В общем, – констатировал Довнар-Запольский, – всегда в Москве было большое количество промышленного люда, не принадлежавшего к Московской посадской общине в собственном смысле» [4, с. 19]. И, возможно, именно потомки этого Федьки, считавшие себя уже коренными москвичами, три века спустя бросали презрительные взгляды на понаехавшую в советскую столицу лимиту.

Библиографический список

1. Акты исторические, собранные и изданные Археологической комиссией. – СПб.: Тип. 2 отд. С.Е.И.В. канцелярии, 1842. – Т. 4: 1645–1676. – 565 с.
2. Акты, относящиеся до юридического быта Древней Руси / Изданы Археологической комиссией, под ред. Н. Калачева. – СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1864. – Т. 2. – 872 стб.
3. Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской Империи Археологической экспедицией Императорской академии наук. – СПб.: Тип. 2 отд. С.Е.И.В. канцелярии, 1836. – Т. 3. – 496 с.; Т. 4. – 502 с.
4. Довнар-Запольский, М.В. Торговля и промышленность Москвы XVI–XVII вв. / М.В. Довнар-Запольский. – М.: Тип. Русского товарищества, 1910. – 95 с.
5. Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археологической комиссией. – СПб.: Тип. Эдуарда Праца, 1848. – Т. 3. – 539 с.; 1862. – Т. 8. – 350 с.
6. Евдокимов, И.В. Север в истории русского искусства / И.В. Евдокимов. – Вологда: Издание Союза Северных Кооперативных Союзов, 1921. – 231 с.
7. Иванов, П. Описание Государственного архива старых дел / П. Иванов. – М.: Тип. С. Селивановского, 1850. – 390 с.
8. Кулишер, И.М. Очерк истории русской промышленности / И.М. Кулишер. – Петроград: Тип. К.-О. Петрогубпрофсовета, 1922. – 156 с.
9. Нижний Новгород в XVII веке: Сборник документов / Под ред. С.И. Архангельского. – Горький: Кн. изд-во, 1961. – 463 с.
10. Переведенцев, В. Зацепиться за Москву / В. Переведенцев // Новое время. – 2003. – 19 окт.
11. Переписная книга города Москвы 1638 г. / Издание Московской городской думы. – М.: Тип. М. П. Щепкина, 1881. – 316 стб.
12. Русская историческая библиотека, издаваемая Археологической комиссией. – СПб.: Тип. Главного управления уделов, 1907. – Т. 21: Дела тайного приказа. Книга первая. – 1756 стб.
13. Сперанский, А.Н. Очерки по истории Приказа каменных дел Московского гос-ва / А.Н. Сперанский. – М.: РАНИОН, 1930. – 221 с.
14. Струмилин, С.Г. Очерки экономической истории России и СССР / С.Г. Струмилин. – М.: Наука, 1966. – 514 с.
15. Тихомиров, Б.Н. [Рец. на:] А.Н. Сперанский. Очерки по истории Приказа каменных дел Московского гос-ва / Б. Тихомиров // Историк-марксист. – 1931. – № 22. – С. 178–181.

[К содержанию](#)